

*С*видетели
эпохи

РОДЖЕР
ПЕТИБРИДЖ

■
*Русская революция
глазами современников*

Мемуары победителей
и побежденных
1905—1918

Роджер Петибридж

**Русская революция
глазами современников.
Мемуары победителей и
побежденных. 1905-1918**

«Центрполиграф»

Петибридж Р.

Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905-1918 / Р. Петибридж — «Центрполиграф»,

В книге известного британского социолога Роджера Петибриджа собраны свидетельства очевидцев и участников драматических событий, происходящих в России в 1905–1918 гг. Выдержки из писем, выступлений, статей и воспоминаний Джона Рида, Александра Керенского, Льва Троцкого, графини Палей и других действующих лиц передают накаленную атмосферу общественной и политической жизни России этого периода.

Содержание

Вступление	5
Хронология событий	9
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Р. Петибридж

Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905–1918

Как всегда – моим родителям

*Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На всем Божьем свете!..*

*Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек...*

*От здания к зданию
Протянут канат.
На канате – плакат:
«Вся власть Учредительному собранию!»...*

*Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!*

*Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —*

*В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!*

Из «Двенадцати» Александра Блока, самой знаменитой поэмы о революции

Вступление

Эта книга – не изложение истории русской революции. Скорее ее можно счесть попыткой показать серию диапозитивов, иллюстрирующих главные события того периода. Лектор с указкой раскованно комментирует их, а аудитория имеет возможность любоваться живыми картинками, свободная от необходимости переваривать массу фактов, дат и тезисов политической философии. Студент, изучающий русскую историю, может при желании почерпнуть из этой книги детали и подробности революции, а публика, как таковая, имеет возможность в любой момент прекратить рассматривать калейдоскоп событий.

Книги такого рода почти целиком состоят из отчетов очевидцев величайшего кризиса в истории, и по ним невозможно оценивать те глубинные течения, которые, слившись воедино, обрушились штормом. Единственное, что в них есть, чем они ценны, – это факт физического присутствия, отношение к преходящему моменту – небрежно-развязная походка Ленина, его картавое «р», жар полемики в залах заседаний, рев сброда, штурмующего Зимний дворец.

Джон Рид, один из самых известных репортеров, присутствовавших на месте событий в Петрограде 1917 года, писал в предисловии к «Десяти дням, которые потрясли мир»: «Что бы ни думали иные о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков – явление мирового значения. Точно так же как историки разыскивают малейшие подробности о Парижской коммуне, так они захотят знать все, что происходило в Петрограде в ноябре 1917 г., каким духом был в это время охвачен народ, как выглядели, что говорили и что делали его вожди. Именно об этом я думал, когда писал настоящую книгу».

Издатель данной книги тоже пытался показать, как люди «выглядели, говорили и что делали». Он не может соперничать с Джоном Ридом, который действительно был в гуще революционных толп и передавал свои впечатления с удивительной непосредственностью, свежесть которой не поблекла за все эти прошедшие десятилетия. Но все же у издателя есть одно преимущество. В наше время он может слегка пренебречь страстями революции, обрести более широкий взгляд на ход событий и сделать выбор из множества мемуаров и свидетельств бесчисленного количества современников тех событий – всех цветов, мастей и политических взглядов: коммунистов и монархистов, иностранных журналистов и послов в Петрограде, честных русских солдат на фронте и неотесанных крестьян в глубине страны.

Русская революция была колоссальным событием, все очевидцы которого пристрастны. Будущий историк, имея в своем распоряжении огромную кучу свидетельств о ходе революции, которые уже скопились к настоящему времени, скорее всего, сможет разобраться в них и вынести объективное суждение. Издатель данной книги предпочел покинуть зал суда, оставив очевидцев вспоминать и спорить между собой. Процесс не подошел к концу, нет никаких ограничений в качестве и количестве разнообразных свидетельств и показаний, но финального решения нет и быть не может. Был ли Ленин в самом деле немецким шпионом? Насколько велика в русской революции была роль Троцкого, искаженная советскими историками? Удалось ли Анастасии¹ вырваться из рук убийц царской семьи и много лет спустя возникнуть в далеком углу Германии? Эти проблемы вместе с массой других так и остаются нерешенными. Свидетели просто дают нам возможность снова увидеть воочию те хаос и агонию, которые стали высокой драмой революции.

Наверное, читая эти трагические страницы, любой человек не сможет не задуматься, насколько контрастны воззрения на революцию ее сторонников и их главных противников.

Взять, например, теплые и сердечные слова княгини Палей² об императрице, на которую она во время отречения царя от трона смотрела сквозь розовые очки и которая в ее восприятии была симпатичным и благородным созданием, – и сопоставить их с холодным отчетом Керенского о бывшей государыне всея Руси. Он дал его немного погодя, когда был министром юстиции и имел достаточно власти, чтобы физически уничтожить ее.

Муж княгини Палей подошел к царице.

«Императрица в простом облачении медсестры поразила его спокойствием и серьезностью взгляда.

– Дорогая Аликс, – наконец сказал великий князь. – В эти трудные минуты я хотел бы быть рядом с вами...

Императрица посмотрела ему в глаза.

– Ники? – спросила она.

– С Ники все в порядке, – торопливо добавил великий князь. – Но крепитесь, будьте столь же мужественны, как и он. Сегодня, 16 марта, в час утра, он подписал отречение от престола – за себя и за Алексея.

---

¹ Анастасия Николаевна (1901–1918) – младшая дочь Николая II.

² Княгиня Палей – супруга великого князя Павла Александровича (1860–1919), дяди Николая II.

Вздвогнув, императрица опустила голову, словно молилась. И затем, собравшись, сказала:

– Если Ники это сделал, значит, он был должен так поступить. Я верю в милость Господа. Бог нас не оставит». Теперь точка зрения Керенского:

«Александра Федоровна, сухая, гордая и неприязненная, неохотно, словно преодолевая нежелание, протянула руку. Мне тоже не особенно хотелось обмениваться с ней рукопожатием, так что наши ладони едва соприкоснулись. В этом заключалась типичная разница характеров и темпераментов между женой и мужем». (Несколько минут назад Николай II оказал Керенскому теплый прием.)

Княгиня Палей была аристократка, вышедшая замуж за одного из родственников царя. Керенский принадлежал к буржуазным кругам, причем весьма радикальным. Но среди тех, кто противостоял монархии, было море различий. Во главе первого восстания 1905 года был отец Гапон, наивный молодой священник, который не утруждал себя размышлениями и, держа над головой икону, возглавил шествие к Зимнему дворцу, чтобы обратиться к царю. Он обратился к царю с псевдорелигиозным воззванием:

«Государь, боюсь, что твои министры не сказали тебе всей правды о настоящем положении вещей в столице. Знай, что рабочие и жители г. Петербурга, веря в тебя, бесповоротно решили явиться завтра в 2 часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы представить тебе свои нужды и нужды всего русского народа».

Троцкий, другой молодой человек, тоже испытывал неприязнь к царскому режиму, но у него был совершенно другой темперамент и иное воспитание, чем у отца Гапона. Он был убежденный атеист, революционер-интеллектуал, вскормленный писаниями Маркса и Энгельса, который сформулировал кристально четкую теорию, как организовывать революцию. Вот как он анализирует восстание марта 1917 года:

«Постараемся яснее представить себе внутреннюю логику движения. Под флагом «женского дня» 23 февраля началось долго зревшее и долго сдерживавшееся восстание петроградских рабочих масс. Первой ступенью восстания была стачка. В течение трех дней она ширилась и стала практически всеобщей. Это одно придавало массе уверенность и несло ее вперед. Стачка, принимая все более наступательный характер, сочеталась с демонстрациями, которые сталкивали революционную массу с войсками. Это поднимало задачу в целом в более высокую плоскость, где вопрос разрешается вооруженной силой. Первые дни принесли ряд частных успехов, но более симптоматического, чем материального характера.

Революционное восстание, затянувшееся на несколько дней, может развиваться победоносно только в том случае, если оно повышается со ступени на ступень и отмечает новые и новые удачи. Остановка в развитии успехов опасна, длительное топтание на месте губительно. Но даже и самих по себе успехов мало, надо, чтобы масса своевременно узнавала о них и успевала их оценить. Можно упустить победу и в такой момент, когда достаточно протянуть руку, чтобы взять ее. Это бывало в истории».

Разительно отличались не только мнения людей; от революции зависели и их судьбы. Через несколько недель после того, как и в правительстве в Петрограде, и на фронтах возникло двоевластие, Николай II, отрекшись от престола, удалился в тесный мирок личной жизни, уединившись в одном из своих обширных дворцов:

«После двух часов прояснилось и потеплело. Утром немного погулял. Разобрал свои вещи и книги, отложил то, что мне хотелось бы взять с собой на тот случай, если отправлюсь в Англию. После обеда прогулялся с Ольгой и Татьяной и работал в саду. Вечер прошел как обычно».

Для Ленина ситуация складывалась совершенно противоположным образом. Еще недавно он ездил на велосипеде по улочкам Парижа и Цюриха, занимался мелкими домашними и финансовыми неурядицами, а теперь видит, что каждая строчка из-под его пера, каж-

дое слово, слетающее с его губ, меняют политическое и социальное устройство второй крупнейшей страны мира.

Во времена великих потрясений выявляются подлинные характеры людей. Повествования и отчеты, помещенные в данной книге, главным образом, имеют целью бросить свет на внешние обстоятельства русской революции, но часто случается, что они отражают ход мыслей и черты личности рассказчика. Например, на этих страницах мы то и дело читаем об эмоциональности Керенского, как он постоянно драматизировал свою личность – но мы видим его глазами других людей. Когда ближе к концу книги мы читаем собственное описание Керенским его бегства от большевиков, то весь тон этого повествования подтверждает другие свидетельства и помогает увидеть Керенского целиком.

И снова мы видим, что при первых признаках мятежа царь со всем своим самодержавным прошлым готов засунуть голову в песок. И мы видим, что он совершенно прав, когда после отречения и за несколько месяцев до своей насильственной гибели ностальгически пишет в дневнике: «После дневного чая перечел ранние дневниковые записи – приятное занятие». В конечном итоге и Николай, и Керенский не смогли избавиться от фатальных слабостей своих характеров, которые в какой-то мере несут ответственность за политическую смуту в России.

С невольной жалостью оцениваешь такие красноречивые вспышки откровений, и много их разбросано по страницам этой книги. Они напоминают куски сложной головоломки, которые, если их все удастся найти и сложить, помогают прояснить ход событий русской революции.

Возвращаясь к живописной стороне рассказов очевидцев, должны признаться, что нам повезло в том, что касается исторического времени революции: она случилась сравнительно недавно, когда уже могла использоваться современная техника. Есть много фотографий, запечатлевших события 1905–1917 годов. Некоторые иностранные газеты имели своих корреспондентов в Петрограде, а российская пресса, и монархическая и большевистская, подробно описывала политические события. Обилие информации позволяет убрать потускневшую ретушь времени, и события предстают перед нами во всей своей яркости.

Период, о котором идет речь в этой книге, простирается от Кровавого воскресенья января 1905 года до убийства царя в июле 1918 года. Мятеж 1905 года принято считать точкой отсчета, потому что именно с него начались первые массовые выступления народа в городах и деревнях. Ужасный конец царской семьи летом 1918 года опустил занавес над прошлым империи.

В годы изгнания между революцией 1905 года и 1917 годом Ленин не раз говорил, что он «не дожидется революции». Но первые подвижки и начало политической революции, которую он годами предвещал, – все это случилось еще при его жизни. Тем не менее, он не дождался и не увидел социальную и экономическую революции, которые мысленно предвидел. Он умер в 1924 году, когда Советская Россия только приходила в себя после тягот долгой Гражданской войны. Она досталась Сталину, личность которого не появится на этих страницах. Практически не принимая активного участия в восстании 1917 года, он организовал «вторую революцию», программа которой оказалась куда более серьезной, чем политические маневры 1917 года, и почти столь же драматической.

Даты в книге приводятся по западному календарю, который на тринадцать дней опережает дореволюционный российский.

Хронология событий

1905

- 15 января.* Русские войска сдали японцам крепость Порт-Артур
- 22 января.* Кровавое воскресенье в Санкт-Петербурге
- 17 февраля.* Покушение террориста на великого князя Сергея
- 14 июня.* Мятеж на броненосце «Потемкин» в Черном море
- 5 сентября.* Россия и Япония заключили Портсмутский мир
- 20 октября.* Забастовка железнодорожников
- 26 октября.* Первый Совет рабочих депутатов в Санкт-Петербурге
- 30 октября.* Николай II дарует конституцию

1906

Май. Первая Дума

1907

Вторая Дума. Третья Дума (1907–1912 гг.)
Апрель. Лондонская конференция Всероссийской социал-демократической рабочей партии

1911

14 сентября. Покушение на премьер-министра Столыпина

1912

Четвертая Дума (до 1916 г.)

1914

1 августа. Объявлена война между Россией и Германией

1915

1 июля. Совместное австро-германское наступление сомкнуло клещи в Польше
18 сентября. Царь берет на себя верховное командование войсками, слагая его с великого князя Николая

1916

16 сентября. Под влиянием императрицы и Распутина министром внутренних дел назначен Протопопов

29–30 декабря. Распутин убит в доме Феликса Юсупова

1917

13 февраля. Забастовки и митинги на заводах Петрограда

28 февраля. В Петрограде бастуют 25 тысяч рабочих

7–11 марта. В рабочих районах Петрограда растет число забастовок и демонстраций; серьезные стычки с полицией

12 марта. В Петрограде свергнут царский режим. Организация Государственной думы и Совета рабочих депутатов.

15 марта. Первое Временное правительство. Отречение Николая II в пользу брата Михаила

16 марта. Отречение Михаила

16 апреля. На Финляндский вокзал Петрограда прибывает Ленин

20 апреля. Публикация ленинских «Апрельских тезисов», призывающих начать кампанию против Временного правительства и за окончание войны

3–5 мая. Демонстрации солдат и рабочих против Временного правительства

17 мая. В Россию прибывает Троцкий

16 июня. В Петрограде открывается Первый съезд Советов

1 июля. Шествия рабочих и большие демонстрации в Петрограде. Влияние большевиков усиливается

16–18 июля. Неудачный мятеж кронштадтских моряков, петербургских рабочих и солдат против Временного правительства. Ленин бежит в Финляндию

21 июля. Организация нового кабинета министров во главе с Керенским

8–16 августа. VI съезд Коммунистической партии проходит в Петрограде. Пересмотр программы партии

25–27 августа. Всероссийский съезд Советов в Москве, где присутствуют все политические группы, кроме большевиков. Окончательный раскол между правыми и левыми. Московские рабочие бастуют против контрреволюционной сущности съезда

6 сентября. Генерал Корнилов, главнокомандующий армией, начинает выдвижение войск к Петрограду с целью разогнать Советы и реорганизовать Временное правительство

10 сентября. Из-за сопротивления Петроградского Совета и рабочих, а также нежелания войск Корнилова воевать планы генерала идут прахом

19 сентября. Большевики впервые получают большинство в Московском Совете

8 октября. Создается новая правительственная коалиция с участием кадетов

20 октября. В Петрограде открывается «предпарламент»

23 октября. ЦК партии большевиков тайно решает поднять вооруженное восстание против Временного правительства

7 ноября. Штурм Зимнего дворца. Свержение Временного правительства в Петрограде. Бегство Керенского. В Петрограде открывается Второй съезд Советов, где большевики имеют подавляющее преимущество

8 ноября. Создано правительство народных комиссаров, состоящее исключительно из большевиков. Выходят первые декреты о национализации земли и мирных переговорах между всеми воюющими сторонами

9 ноября. Начало военных действий в Москве между силами Временного правительства и Советами. Керенский перебирается в Петроград

14 ноября. Бегство Керенского

15 ноября. Триумф большевиков в Москве

22 декабря. Начало мирных переговоров в Брест-Литовске

1918

18 января. Открытие Учредительного собрания с антибольшевистским большинством

19 января. Учредительное собрание разогнано караулом из солдат и моряков

3 марта. Подписание мирного договора в Брест-Литовске

16 июля. В Екатеринбурге расстреляны Николай II и члены царской семьи

Глава 1 1905 ГОД

Мирский, выдающийся русский писатель старого времени, представил историю своей страны с начала XIX столетия как последовательность революционных волн и периодов спокойствия между революциями.

«Каждая из этих волн вздымалась выше предшествовавшей. Первая обрушилась в 1825 году в виде неудачного мятежа декабристов, не получившего никакой поддержки. За ним последовало долгое реакционное правление Николая I, во время которого поднималась вторая волна. Медленно и постепенно набирая силы, она до поры до времени сдерживала свой напор. Потом ей оказали мощную поддержку либеральные реформы шестидесятых годов. Волна достигла высшей точки в виде деятельности партии «Народная воля», и апогеем ее стало убийство царя Александра II в 1881 году. Наступившее время спокойствия не было ни столь длинным, ни полным, как в предшествовавший период. К девяностым годам революция набрала силы, взметнулась на беспрецедентную высоту и с грохотом обрушилась 1905 годом. Движение это было снова подавлено – но лишь для того, чтобы опять возникнуть во время Первой мировой войны и окончательно восторжествовать в 1917-м».

Революцию 1905 года вызывали три существенные причины, одна из которых берет начало далеко в XIX столетии, а две другие имеют более позднее происхождение.

Потребность в политических реформах с новой силой вспыхнула на рубеже веков, хотя ощущалась уже с 1820-х годов. С одной стороны, свои требования перемен выдвигали либеральные элементы общества. Городская интеллигенция, преподаватели в университетах, помещики, которые в совокупности составляли становой хребет предыдущих кампаний, теперь получали поддержку богатого купечества. С другой стороны, протесты выражались в виде насильственных акций эсеров-террористов и нетерпеливых студентов, которые возмущались, видя, как обоснованные требования их профессоров раз за разом отвергались правительством. Число политических убийств и покушений росло, и к 1905 году они обрушились снежной лавиной.

Призывы революционных партий нашли отклик среди растущего промышленного пролетариата того времени. Его появление объясняется стремительным прогрессом российской индустрии в 1890-х годах; в то же время, когда наступала экономическая депрессия, трудящиеся массы подвергались суровым испытаниям, в ходе которых рабочие обращали больше внимания на политику. Именно поэтому, когда в 1903 году поднялась волна стачек и забастовок, экономические требования в них соседствовали с политическими, а в общественных местах проходили внушительные демонстрации.

Третий бикфордов шнур, который непосредственно привел к событиям января 1905 года, имел начало в Русско-японской войне. Правительство России начало ее в феврале 1904 года, надеясь отвлечь российское общество от растущей потребности в реформах. Полные чрезмерной уверенности в своем превосходстве русские, начав военные действия, столкнулись с рядом тяжелых поражений на суше и на море. Падение крепости Порт-Артур 15 января 1905 года состоялось ровно за неделю до главного революционного события года – Кровавого воскресенья в Санкт-Петербурге.

Как и революция 1917 года, эти события января 1905 года разразились в столице и частично были результатом плохого ведения войны; кроме того, они получили широкую поддержку общественного мнения. Но на этом сходство и завершилось. Мятежи, которые продолжались весь 1905 год, так и не выдвинули ни одного значительного лидера из любого класса, любых политических взглядов. В 1905 году Керенский продолжал оставаться частным лицом;

он стал депутатом Четвертой Думы лишь в 1912 году. Ленин жил в эмиграции в Женеве, писал революционные статьи, но не предпринимал никаких действий.

22 января 1905 года огромная демонстрация протеста прошла по улицам Санкт-Петербурга и направилась к Зимнему дворцу, намереваясь вручить петицию Николаю II. Шествие состояло из рабочих и членов их семей, собранных воедино стараниями священника Георгия Гапона. Он создал на заводах и фабриках организацию, которая, как предполагалось, выражала мнение народа; каждый член его союза представлял тысячи других своих братьев по классу. Это движение пользовалось симпатией кое-кого из либералов, поскольку выражало мирные намерения. Интеллектуалы из среднего класса помогли составить петицию, которую пронесли по улицам города в тот роковой день. Гапон подготовил царя к грядущему событию, за день до шествия написав ему письмо:

«Государь, боюсь, что твои министры не сказали тебе всей правды о настоящем положении вещей в столице. Знай, что рабочие и жители г. Петербурга, веря в тебя, бесповоротно решили явиться завтра в 2 часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы представить тебе свои нужды и нужды всего русского народа.

Если ты, колеблясь душой, не покажешься народу и если прольется неповинная кровь, то порвется та нравственная связь, которая до сих пор еще существует между тобой и народом. Доверие, которое он питает к тебе, навсегда исчезнет.

Явись же завтра с мужественным сердцем перед народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию.

Я, представитель рабочих, и мои мужественные товарищи ценой своей собственной жизни гарантируем неприкосновенность твоей особы.

Свящ. Т. Талон».

Сама же петиция начиналась в следующем духе:

«Государь!

Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга, разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, мы подвергаемся надругательствам, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

Распевая религиозные и патриотические песнопения, массы, руководимые Гапоном, подошли к Зимнему дворцу. Если бы Гапон знал, чем может все кончиться, он конечно же повернул бы назад или приказал бы толпе рассеяться. В 1905 году он был сравнительно молодым человеком 32 лет. Обладая благообразной внешностью и ораторским даром, он оказался на гребне истории, полный наивной уверенности в силе убеждения, но, желая устранить все беды и язвы России, он не имел никакой поддержки – у него не было ни сил, ни влияния. Он казался царской полиции настолько безобидным, что до событий Кровавого воскресенья она довольно благожелательно относилась к нему.

Гапон оставил нам отчет об этом дне. Мы должны представить, как он, пылая воодушевлением, шел по улицам Санкт-Петербурга, молодой священник, готовый к мученичеству,

Ганди начала XX века, чье красивое аскетическое лицо кусал русский мороз, а ледяной ветер развеивал черную бороду.

«Мы пойдем прямо через ворота или кружным путем, чтобы не столкнуться с солдатами?» – спросили меня. «Нет, только сквозь них! – хрипло крикнул я. – Смелее! Свобода или смерть!» Толпа закричала в ответ: «Ура!» И мы двинулись вперед, сильными и торжественными голосами затянув царский гимн «Боже, царя храни!». Но когда мы подошли к строчке «Храни Николая Александровича», несколько человек, которые принадлежали к Социалистической партии, злонамеренно заменили ее словами «Храни Георгия Аполлоновича» (Гапона), пока остальные просто повторяли слова «Свобода или смерть!». Процессия двигалась компактной массой. Передо мной шли два моих охранника, молодые ребята, с лиц которых тяжелая трудовая жизнь еще не стерла юношеской непосредственности. По бокам толпы бежали дети. Некоторые женщины настаивали на праве идти в первых рядах, чтобы, как они говорили, защищать меня своими телами, и приходилось буквально силой оттеснять их. Могу также упомянуть многозначительный факт, что с самого начала полиция не только не вмешивалась в ход шествия, но шла вместе с нами с непокрытыми головами из уважения к религиозным эмблемам. Двое городских из местного участка с обнаженными головами двигались перед нами, устраняя любое препятствие нашему шествию и заставив несколько экипажей, что встретились нам, свернуть в сторону. Таким образом мы подошли к Нарвским воротам. По мере движения толпа становилась все плотнее, пение все громче и выразительнее, а окружающая обстановка все драматичнее.

Наконец мы остановились в двухстах шагах от солдат, преграждавших нам путь. Шеренги пехотинцев перекрыли дорогу, а перед ними гарцевал эскадрон, блестя саблями на солнце. Неужели они осмелятся напасть на нас? На мгновение мы заколебались, но потом снова двинулись вперед.

Внезапно эскадрон казаков с обнаженными саблями галопом рванулся к нам. Значит, они хотят устроить тут бойню! Не было времени ни размышлять, ни строить планы или отдавать приказы. Казаки приближались к нам, и тревожные крики звучали все громче. Наши передние ряды расступились перед ними, расходясь направо и налево, и всадники пришпорили своих лошадей. Я видел, как взлетали и опускались нагайки, как мужчины, женщины и дети падали на землю, словно подрубленные деревья, слышал, как стоны, крики и проклятия наполняли воздух. Невозможно было понять, чем объясняется лихорадочное возбуждение этих действий. По моему приказу передние ряды, пропустив казаков, которые пробивались все дальше и дальше, достигнув наконец конца шествия, снова сплотились.

И снова мы двинулись вперед, полные торжественной решимости и ярости, что бушевала в наших сердцах. Казаки развернули коней и начали с тыла пробиваться сквозь толпу. Они прорезали всю протяженность колонны и галопом вернулись к Нарвской заставе, где – пехота разомкнула ряды и пропустила их – снова выстроились в шеренгу. Мы продолжали идти вперед, хотя угрожающе взметнувшиеся штыки, казалось, символически указывали, какая нас ждет судьба. Печаль стиснула мое сердце, но страха я не испытывал. Прежде чем мы начали шествие, мой дорогой друг, рабочий человек К., сказал мне: «Мы готовы пожертвовать жизнью». Быть по сему!

Теперь мы были не далее чем в тридцати метрах от солдат. Нас отделял от них только мост через Таракановский канал, по которому проходила граница города. И вдруг без какого-либо предупреждения, без секунды промедления до нас донесся сухой треск ружейного залпа. Потом уже мне рассказывали, что раздался сигнал горна, но мы не расслышали его за голосами поющих, но даже услышав мы его, то не поняли бы, что он означал.

Васильев, с которым я шел бок о бок, внезапно выпустил мою руку и повалился на снег. Один из рабочих, которые несли знамена, тоже упал. И тут же один из двоих городских, о которых я уже упоминал, закричал: «Что вы делаете? Как смеете стрелять в царский портрет?»

Его слова, конечно, не возымели эффекта. И он, и другой офицер были расстреляны в упор – как я потом узнал, один был убит, а другой тяжело ранен.

Я тут же развернулся к толпе, закричал, чтобы все ложились, и сам распростерся на земле. Как только мы легли, раздался еще один залп, а потом два других – казалось, что стрельба идет непрерывно. Толпа сначала встала на колени и лишь потом повалилась ничком, пряча головы от града пуль, а задние ряды шествия кинулись убежать. Пороховой дым тянулся перед нами тонкой облачной пеленой, и я чувствовал, как от него першит в горле. Одной из первых жертв стал старик Лаврентьев, который нес царский портрет. Другой старик подхватил портрет, выпавший из его рук и воздел над головой, но и он был убит следующим залпом. С последним вздохом он сказал: «Пусть я умру, но увижу царя». Одному из знаменосцев пульей перебило руку. Маленький, лет десяти, мальчик, который нес церковный светильник, упал, получив пулевое ранение, но продолжал крепко держать светильник. Он попытался встать, но очередной залп добил его. Оба кузнеца, что охраняли меня, были убиты, так же как и те, что несли иконы и хоругви; теперь все они валялись, раскиданные на снегу. Солдаты специально стреляли по дворам окружающих домов, где толпа пыталась найти укрытие, и, как я потом узнал, пули, влетая в окна, поражали даже жильцов этих домов.

Наконец стрельба прекратилась. Я и еще несколько человек, которые остались невредимы, поднялись, и я посмотрел на тела, распростертые вокруг меня. «Встаньте!» – закричал я им. Но они оставались недвижимы. Сначала я не мог понять, почему они продолжают лежать. Я снова присмотрелся к ним и увидел безжизненно раскинутые руки, багровые пятна крови на снегу. И тут я все понял. Это было ужасно. И мой Васильев лежал мертвым у моих ног.

Мое сердце сжало ужасом. В голове мелькнула мысль: «И все это – дело рук нашего Малого Отца, нашего царя». Может, этот гнев и спас меня, ибо теперь я доподлинно знал, что в книге истории нашего народа открылась новая глава. Небольшая группа рабочих снова собралась вокруг меня. Оглянувшись, я увидел, что наша колонна пусть и тянулась на большое расстояние, но поредела, сбилась и многие покинули ее. Я тщетно взывал к ним, и сейчас мне оставалось лишь стоять здесь, среди небольшой толпы, содрогаясь от негодования – меня окружали руины нашего движения.

Снова мы двинулись вперед, и снова началась стрельба. С последним залпом я опять поднялся и увидел, что остался один – но все еще невредим.

Передо мной стоял туман отчаяния, и тут кто-то внезапно взял меня за руку и стремительно потащил в маленькую боковую улочку в нескольких шагах от этой массовой бойни. Мне не имело смысла протестовать. Что тут еще можно было сделать? «Для нас больше нет царя!» – воскликнул я.

Я неохотно подчинился своим спасителям. Кроме этой горсточки, все остальные погибли от пуль или в ужасе рассеялись. Мы шли невооруженными. И нам не осталось ничего иного, кроме как дожидаться дня, когда виновные будут наказаны и это страшное деяние получит объяснение, – дня, когда мы снова выйдем невооруженными, но лишь потому, что оружие больше не понадобится.

В боковой улочке к нам тут же подошли трое или четверо моих рабочих, и в своем спасителе я узнал инженера, которого предыдущей ночью видел у Нарвской заставы. Он вынул из кармана ножницы и обрезал мои длинные волосы священника, пряди которых люди немедленно поделили между собой. Один из них торопливо стянул с меня рясу и дал взамен свое пальто, но оказалось, что оно в крови. И тут другой сердобольный человек снял свои потрепанное пальто и шапку и настоял, чтобы я надел их. На все это ушло две или три минуты. Инженер настоял, что я должен отправиться вместе с ним в дом друзей, что я и решил сделать.

Тем временем пространство массовой бойни досталось солдатам. Какое-то время они не обращали внимания на убитых и раненых и никого к ним не подпускали. Лишь после долгого промежутка времени они стали сваливать груды тел на сани и отправлять их или на погреб-

ние, или в больницы. Судя по заявлениям врачей, в подавляющем большинстве случаев раны носили весьма серьезный характер. Пули поражали голову или тело, раны на руках или ногах были редкостью. Кое у кого из расстрелянных было несколько пулевых ранений. Ни у кого не было найдено никакого оружия или даже камня в кармане. Врач из местной больницы, куда были доставлены тридцать четыре трупа, сказал, что вид у них был ужасающий, лица были искажены страхом и страданиями, а на полу были лужи крови».

После событий Кровавого воскресенья Гапон скрылся из России и прибыл в Женеву, где встретился с Лениным. Крупская, жена Ленина, рассказала об этой встрече в своих воспоминаниях:

«Вскоре Гапон появился в Женеве. Сначала он установил связь с эсерами, которые попытались создать впечатление, что Гапон был «их» человеком и на самом деле все движение петербургских рабочих было делом их рук. Они ужасно хвастались Гапоном и прославляли его. В то время Гапон был в центре всеобщего внимания и английская «Таймс» платила ему за статьи внушительные суммы. Спустя короткое время Гапон прибыл в Женеву. Дама из эсеровских кругов пришла к нам и сообщила Владимиру Ильичу, что Гапон хотел бы встретиться с ним. Договорились, что randevу состоится в кафе на «нейтральной» территории. Наступил вечер. Ильич, не зажигая лампы в своей комнате, расхаживал по ней взад и вперед.

Гапон был живой частью революции, которая потрясла Россию. Он был тесно связан с рабочей массой, которая преданно верила ему, и Ильич был возбужден ожиданием этой встречи.

Недавно товарищи потрясенно спрашивали: как Ильич мог иметь что-то общее с Гапоном?

Конечно, можно было просто игнорировать Гапона, заранее решив, что ничего хорошего от священника ждать не приходится. Так, например, поступил Плеханов, исключительно холодно приняв Гапона. Но сила Ильича заключалась именно в том факте, что для него революция была живым делом, он был способен четко различать все ее особенности, учитывать все обилие ее подробностей, знать и понимать потребности масс. А знание масс могло быть получено только путем тесных контактов с ними. И как мог Ильич пройти мимо Гапона, который был близок с массами и оказывал на них такое влияние!

Вернувшись со встречи с Гапоном, Владимир Ильич изложил свои впечатления. Гапон все еще был полон революционного воодушевления. Говоря о петербургских рабочих, он буквально воспламенялся, а его упоминания о царе и его агентах были полны негодования и отвращения. Отвращение было довольно наивным, но более чем оправданным. Оно соответствовало тем чувствам, которые владели рабочими массами. «Только нам придется учить их, – сказал Владимир Ильич. – Только не слушайте лести, батюшка. Учитесь, или вот вы где окажетесь», – и показал ему под стол».

8 февраля Владимир Ильич написал в 7-м номере газеты «Вперед»: «Мы надеемся, что Георгий Гапон, который так глубоко пережил и прочувствовал переход от взглядов политически неопытного человека к революционным воззрениям, преуспеет в обретении революционной ясности взгляда, необходимого для политического лидера».

Глупое и жестокое обращение с петербургскими рабочими 22 января привело лишь к тому, что в России возрос политический хаос. Волна протестов против поведения правительства и царя вздымалась все выше, и весь 1905 год был отмечен забастовками во всех промышленных центрах страны. В феврале великий князь Сергей, муж сестры императрицы, дядя Николая и московский генерал-губернатор, был убит эсером-террористом Каляевым.

Поэт и романист Борис Савинков, его соратник по заговору, описал эту сцену:

«Каляев, простившись со мной, прошел, как было обговорено, к Иверской часовне. Он давно, еще раньше, заметил, что на углу прибита в застекленной рамке лубочная патриотическая картина. В стекле этой картины, как в зеркале, отражался путь от Никольских ворот к

иконе. Таким образом, стоя спиной к Кремлю и рассматривая картину, можно было заметить выезд великого князя. По условию, постояв здесь, Каляев, одетый, как и 2 февраля, в крестьянское платье, должен был медленно пройти навстречу великому князю, в Кремль. Здесь он, вероятно, увидел то, что увидел и я, т. е. поданную к подъезду карету и кучера Рудинкина на козлах. Он, судя по времени, успел еще развернуться к Иверской и повернуть обратно мимо Исторического музея через Никольские ворота в Кремль, к зданию суда. У здания суда он встретил великого князя».

«Вопреки своим надеждам, – пишет он в письме к товарищам, – 4 февраля я остался жив. Я бросил с расстояния четырех шагов, не более, с разбега, в упор, был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета. После того как облако рассеялось, я оказался у остатков задних колес. Помню, мне пахнуло дымом и щепками прямо в лицо, сорвало шапку. Я не упал, а только отвернул лицо. Потом увидел шагах в пяти от себя, ближе к воротам, ключья великокняжеской одежды и обнаженное тело... Шагах в десяти за каретой лежала моя шапка, я подошел, поднял ее и надел. Я огляделся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висели лохмотья, и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг. Я пошел... В это время послышалось сзади: «Держи, держи», – на меня чуть не наехали сыщичьи сани, и чьи-то руки схватили меня. Я не сопротивлялся. Вокруг меня засуетились городской, околоточный и сыщик противный... «Смотрите, нет ли револьвера, ах, слава богу, и как это меня не убило, ведь мы были тут же», – проговорил, дрожа, этот охранник. Я пожалел, что не могу пустить пулю в этого доблестного труса.

«Чего вы держите, не убегу, я свое дело сделал», – сказал я... (и понял тут, что я оглушен). «Давайте извозчика, давайте карету». Мы поехали через Кремль на извозчике, и я задумал кричать: «Долой проклятого царя, да здравствует свобода, долой проклятое правительство, да здравствует партия социалистов-революционеров!» Меня привезли в городской участок... Я вошел твердыми шагами. Было страшно противно среди этих жалких трусишек... И я был дерзок, издевался над ними. Меня перевезли в Якиманскую часть, в арестный дом. Я заснул крепким сном...»

Событию 4 февраля посвящена статья в № 60 «Революционной России». Само событие со слов очевидца представляется в таком виде:

«Взрыв бомбы произошел приблизительно в 2 часа 45 минут. Он был слышен в отдаленных частях Москвы. Особенно сильный переполох произошел в здании суда. Заседания шли во многих местах, канцелярии все работали, когда произошел взрыв. Многие подумали, что это землетрясение, другие – что рушится старое здание суда. Все окна по фасаду были выбиты, судьи, канцеляристы попадали со своих мест. Когда через десять минут пришли в себя и догадались, в чем дело, то многие бросились из здания суда к месту взрыва. На месте казни лежала бесформенная куча, высотой вершков в десять, состоявшая из мелких частей кареты, одежды и изуродованного тела. Публика, человек тридцать, сбежавшихся первыми, осматривала следы разрушения; некоторые пробовали высвободить из-под обломков труп. Зрелище было подавляющее. Головы не оказалось, из других частей можно было разобрать только руку и часть ноги. В это время выскочила Елизавета Федоровна в ротонде, но без шляпы и бросилась к бесформенной куче. Все стояли в шапках. Княгиня это заметила. Она бросалась от одного к другому и кричала: «Как вам не стыдно, что вы здесь смотрите, уходите отсюда». Лакей обратился к публике с просьбой снять шапки, но ничто на толпу не действовало, никто шапки не снимал и не уходил. Полиция же это время, минут тридцать, бездействовала, заметна была полная растерянность. Товарищ прокурора судебной палаты, безучастно и растерянно, крадучись прошел из здания мимо толпы через площадь, потом раза два на извозчике появлялся и опять исчезал. Уже очень нескоро появились солдаты и оцепили место происшествия, отодвинув публику».

Речь Каляева на суде стала одним из самых острых и ярких обвинений в адрес царского режима в России.

«Первым делом разрешите мне внести поправку. Я здесь не подсудимый, я ваш пленник. Мы – два воюющих лагеря. Вы – представители царского правительства, наемные слуги капитала и угнетения. Я – один из народных мстителей, социалист и революционер. Нас разделяют горы трупов, сотни тысяч сломанных человеческих жизней и моря крови и слез, которые заливают страну потоками ужаса и отвращения. Вы объявили войну народу. Мы приняли ваш вызов. Вы захватили меня в плен, и теперь в вашей власти подвергнуть меня мучениям медленного умирания или убить без промедления, но вы не можете вершить суд надо мной. Какой бы властью вы ни обладали, вам не может быть оправдания – так же как вы не можете осудить меня. Между мной и вами не может быть примирения, так же как его не может быть между диктатурой и народом. Мы продолжаем оставаться врагами, и, если даже, лишив меня свободы и возможности обращаться к народу, вы сочтете себя вправе вынести мне суровый приговор, я ни в коем случае не обязан признавать вас своими судьями. И в присутствии этих подобранных представителей правящего класса в сенаторских тогах, в этой атмосфере удушающей ненависти не закон судит нас. Пусть нашим судьей будет совесть народа, свободного и не задавленного. Пусть нас рассудит этот великий мученик истории – народ России.

Я убил великого князя, члена царской семьи, и можно было бы понять, если бы я предстал перед семейным судом правящего дома, как открытый враг династии. В XX столетии это было бы жестокое и варварское решение, но, по крайней мере, честное. Только где же тот Пилат, который, еще не отмыв руки от народной крови, послал вас возводить виселицы? Или, может быть, отягощенные сознанием той власти, что лежит на вас, вы именем лицемерного закона бесстыдно судите меня? Так знайте, что я не признаю ни вас, ни ваш закон. Я не признаю правительственные учреждения, в которых политическое лицемерие скрывает моральную трусость правителей, а жестокая мстительность служит цели подавления возмущенной человеческой совести.

Но где ваша совесть? Где граница между исполнением обязанностей, за которые вам платят, и убеждениями, которые вы должны иметь, пусть даже они противоречат моим? Потому что вы осмеливаетесь выносить приговор не только моим действиям, но и их моральному значению. Вы не называете деяние 4 февраля актом убийства. Вы называете его преступлением, злодеянием. Вы осмеливаетесь не только судить меня, но выносить приговор. Кто дал вам это право? Это неправда, мои лицемерные вельможи, что вы никого не убили и что вы держитесь не только на штыках и статьях закона, но и на моральном авторитете. Как некий ученый времен Наполеона III, вы готовы признать, что есть две морали: одна для простых смертных, которым говорят «не убий», «не укради», а другая для политических властителей, которым все разрешено. И вы искренне убеждены, что стоите выше закона и что никто не сможет вынести вам приговор».

Каляев не был трусом. Он сдался после покушения и на суде отчаянно защищал свои идеалы. Он отказался раскаяться в своих действиях, хотя великая княгиня Елизавета, вдова убитого им человека, посетила его в тюрьме и заверила, что если он принесет покаяние, то будет помилован. Но Каляев осознал, что делу, ради которого он рисковал жизнью, его смерть даст больше, чем возможность жить дальше для него.

Самое волнующее событие 1905 года после Кровавого воскресенья имело место на далеком Черном море. 14 июня 1905 года на одном из крупнейших кораблей Черноморского флота, броненосце «Потемкин», вспыхнул мятеж. Моряки отказались есть протухшее мясо. Офицеры приказали расстрелять зачинщиков, но команда не подчинилась. Командира «Потемкина» и часть офицеров выбросили за борт, а мятежные моряки подняли красный флаг и привели корабль в Одессу. Власти испугались, что и остальные корабли Черноморского флота перейдут

на сторону мятежников. Их беспокойство усиливалось тем фактом, что как раз в это время в Одессе проходила забастовка рабочих.

Молодой студент Одесского университета Константин Фельдман принимал участие в забастовке как один из руководителей крупной социал-демократической ячейки. На пике забастовки он услышал о приходе «Потемкина».

«В десять утра я вышел на улицу и направился в сторону Николаевского бульвара.

Пролеты широкой и красивой лестницы соединяли его с одесским портом. Сверху открывался прекрасный вид на открытое море и залив, и бульвар был любимым местом променада светской публики. Днем в тенистых аллеях прогуливались элегантные дамы; по гладким асфальтовым дорожкам фланировала беспечная, ярко разодетая толпа. Это раскованное ничегонеделание, шумное веселье представляли резкий контраст с жизнью лежащего внизу порта.

Облака угольной пыли, резкие свистки буксиров, низкий рев пароходных сирен, грохотанье по булыжникам ломовых телег, гул тысяч человеческих голосов – такова была атмосфера там, где царил тяжелый труд. Здесь встречались не изысканно одетые дамы, а босоногие мужчины в грязных лохмотьях; здесь звучали не веселые мелодии оркестров с бульваров, а оглушающий рев торжествующего Капитала.

В этот день основные события должны были развертываться в самом городе, и все агитаторы получили приказ быть на центральных улицах. Я воспользовался возможностями одного из моих знакомых и еще вечером оставил у него свою студенческую форму.

Через город я шел в мрачном настроении. Мы столкнулись с бурным развитием событий, но не могли справиться с ними. Массы были готовы к сражению, но мы не могли возглавить их, потому что у нас не было оружия. Мирное развитие забастовки исключалось, потому что она подошла к логическому концу. Она подняла и воспламенила все рабочее население Одессы, в окружающих город районах начались крестьянские волнения, весь административный механизм одесского чиновничества зашатался. Мы знали, что войска сочувствуют народу. И теперь мы должны были перейти к вооруженному восстанию – или сдаться.

Для первого варианта необходимо было иметь хоть минимальное количество оружия. У нас его вообще не было... И нам пришлось бессильно опустить руки перед этой глухой стеной.

В этот день мы решили сделать все, что в наших силах, для продолжения забастовки, чтобы мы могли возглавить рабочих. Но для чего? Подлинная трагедия нашего положения заключалась в том факте, что мы не могли найти ответа на этот вопрос. Что мы должны сказать людям? Позвать их в бой? Но все эти дни мы получали один ответ на наши призывы: «Мы готовы. Дайте нам оружие и ведите нас...» Опять та же самая глухая стена – и если движение упрется в нее, то вскоре остановится. Я представил себе то отчаяние в рядах моих товарищей, которое скоро даст о себе знать, упадок боевого духа на следующий день.

Но, оказавшись на улице, я уже не смог найти оправдания своим мрачным мыслям. Улицы были наполнены народом, который стремительно двигался в том же направлении, что и я. Чем ближе мы подходили к Николаевскому бульвару, тем плотнее становилась толпа и такие же густые потоки людей присоединялись к нам из соседних улиц. В воздухе стоял странный гул, который всегда давал знать, что толпа ждет чего-то нового и необычного.

Я был удивлен этим всеобщим возбуждением, но понимал, что моя драная рабочая одежда, скорее всего, привлечет внимание полиции в этом аристократическом квартале, так что у меня не было возможности спокойно шествовать вместе с толпой и прислушиваться к ее настроениям. Я ускорил шаги и вскоре, оказавшись рядом с домом своего приятеля, успешно проскользнул мимо дворника, этого российского цербера. По лестнице я взбежал к его квартире. И тут наконец получил объяснение этого странного возбуждения толпы.

Едва я успел покончить с нудным процессом переодевания, как мой хороший знакомый, влетев в комнату, сообщил, что в порт вошел броненосец, команда которого взбунтовалась и перебила своих офицеров, а теперь решила присоединиться к восставшему народу.

Это была столь огромная и потрясающая новость, что я даже не рискнул поверить в нее и выбрался на улицу, чтобы лично убедиться в ее истинности.

Передо мной тянулось бесконечное пространство моря, и из его непроглядной дали гордо возник могучий колосс – линейный корабль с развевающимся красным флагом.

Я стоял в немом оцепенении, восторженно глядя на эту сказочную картину... Но для долгого лицезрения не было времени – надо было спешить вниз; начатая работа требовала своего завершения. Великое сражение должно было наконец разразиться. И с радостным чувством солдата, который перед самым отступлением неожиданно увидел подход мощного подкрепления, я помчался вниз в порт.

Вместе со мной бежала толпа, полная такой же радости, и с каждым шагом она все прибавлялась, становилась все гуще. Она уже дышала воздухом свободы; у людей изменилось выражение лиц, и вместо яростной ненависти, которую я видел еще вчера, они были полны искреннего и неподдельного восторга. Вокруг раздавались крики «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!», и сегодня мы уже не слышали топота копыт казацких коней и гневных криков раздавленных людей.

Наконец я добрался до палатки, в которой лежало тело мертвого моряка. Лицо его было полно удивительного спокойствия. На груди его лежала надпись: «Одесситы! Перед вами тело Григория Вакулинчука, матроса, зверски убитого старшим офицером броненосца «Князь Потемкин» за слова «Плохой суп». Перекреститесь и скажите «Мир его праху». Отомстим кровожадным вампирам! Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам! Да здравствует свобода!»

Команда флагманского крейсера «Князь Потемкин»: «Один за всех, все за одного!»

Выйдя из палатки, я получил общее представление об истории мятежа. Команда взбунтовалась из-за того мяса, которое дали им на обед, перебила офицеров и пришла в Одессу, чтобы присоединиться к рабочим. Моряки разогнали казаков и полицию и сейчас загружались углем и провизией.

Передо мной ярко предстала картина нашего положения – власти смущены и растеряны; в их распоряжении осталось мало солдат, да и на тех нельзя положиться. Они уже отказывались стрелять в народ и конечно же не будут стрелять в моряков. С другой стороны, высокий дух рабочих – их организации – набирает силы. Моряки должны незамедлительно сойти на берег, присоединиться к рабочим, взять город и провозгласить в Одессе республику; затем предстоит создать из рабочих революционную армию и двинуться в поход, постепенно расширяя пространство, охваченное революцией и укрепляя для нее одну позицию за другой. Надо как можно скорее попасть на броненосец и начать агитацию; нет времени ждать разрешения от партии, и я решил действовать на свой страх и риск.

Рабочие, которым я сказал, что являюсь представителем социал-демократической организации, сразу же дали мне ялик, и я погреб к кораблю. В то же самое время торпедный катер вытянул из гавани на буксире огромную угольную баржу. На ней были видны тысячи голов, и с баржи доносились звуки «Варшавянки». Толпа на берегу постоянно раздражалась мощным «Ура!». Военный катер плавно вышел мне навстречу.

– Куда путь держишь? – крикнули с него.

– На свободный революционный корабль, – ответил я.

– А ты кто такой – социал-демократ?

– Да.

– Чем докажешь?

– Социал-демократы не показывают паспортов; нас без них отправляют гнить в Сибири.

– Ну вали к нам.

Я поднялся на кабестан и стал говорить. Первым делом я напомнил морякам, что они уже перешли линию, за которой им нет надежды на прощание. Они сожгли корабли; Рубикон перейден. Примирения с царизмом уже не будет. Остается только победа одной стороны и пол-

ное уничтожение другой, так что война должна вестись до победного конца. Войска в Одессе готовы перейти на нашу сторону; они всего лишь ждут первого шага. И этот шаг должны предпринять моряки. Пока враг в растерянности, прежде чем он собрался с силами, мы должны нанести ему решительный удар. С каждой минутой он становится сильнее и ждет свежих подкреплений. Первый испуг проходит, и вместе с ним исчезают шансы нанести поражение врагу одним решительным ударом. Каждый момент промедления укрепляет силы врага и ослабляет нас. И вот вывод: мы должны как можно скорее приступить к действиям. И тут я познакомил моряков с выработанным нами планом.

В ходе этой речи я после каждого предложения спрашивал моряков, согласны ли они с ним. «Все точно», – каждый раз звучало мне в ответ. Когда я кончил говорить, мой голос утонул в оглушительном «Ура!». Казалось, что дело сделано и осталось только вынести конечную резолюцию в соответствии с обуревавшими нас чувствами. Но внезапно я услышал фразу: «Стрелять по городу они не могут!»

Кто-то ее произнес; затем прозвучали еще несколько голосов, и вскоре немалая часть команды кричала, что стрелять по городу мы не можем.

Кирилл поднялся ко мне и сказал: «Ты слишком резко взялся за дело; так нельзя».

Теперь я понял, в чем была моя ошибка: нельзя было напрямую излагать морякам наш план. Это должен был взять на себя один из моряков. Ощущение сделанной ошибки повергло меня в отчаяние. Когда на чаше весов лежит такое дело, риск неудачи равносильен преступлению.

Пока я молча злился на самого себя, команда бурно спорила. Она разделилась на две части – одна настаивала на немедленной бомбардировке города, а вторая возражала против нее. Она и начала брать верх. Даже стали раздаваться крики: «Долой сухопутных! Пусть офицеры скажут свое слово!»

Все взгляды устремились на Алексева, но он молчал. Он молчал, несмотря на то что его слово могло перевесить чашу весов в пользу его партии. Он молчал, потому что робость его духа боялась столкнуться с конфликтом страстей.

В это время на кабане вспрыгнул Матюшенко. Его появление сразу же прекратило крики и пререкания.

– Слышь, братва, – начал он, – вижу, что начали мы ссориться. Так все повернулось, что одна половина команды пошла против другой. Мы должны сохранять единство, а то, глядишь, матросы похвалят ружья и поубивают друг друга. Нет, ребята, так нельзя. Наше начальство и так постаралось, натравливая нас друг на друга, а теперь вы хотите приступить к братоубийству. Столько народу смотрят на вас сейчас, они видят в вас освободителей, а вы ссоритесь между собой.

Его слова были полны простого красноречия и сочувствия к угнетенному страдающему народу. Он и говорил теперь от имени этого самого народа.

Его слова заставили преисполниться гневом и ненавистью к угнетателям сердца всех, кто его слушал. И теперь с ними говорил не очередной оратор, а моряк, который прекрасно понимал психологию своих товарищей.

– Здесь на корабле нас триста социал-демократов. И все мы решили отдать жизни за народное дело, бороться за него до последней капли крови. Если вы не захотите открывать огонь, мы сами встанем к орудиям и пошлем снаряды в царя. А вы, если хотите, присоединяйтесь к нам или берите ружья и расстреляйте нас. Или свяжите нас и передайте властям. Они встретят вас с оркестром, увешают наградами...

– Нет, на это мы не пойдем! – взревела толпа.

– Значит, вы согласны открыть огонь по городу?

– Согласны! – заорали моряки, и никто не посмел подать голоса против этого единодушного желания массы.

– Может, кто-то и не согласен, но его голоса что-то не слышно, – неумолимо продолжил Матюшенко, – поэтому давайте сделаем так: те, кто согласен открыть стрельбу, отойдите направо, а те, кто против, – налево.

Толпа целиком двинулась направо.

– Теперь вы видите, что среди нас есть трусливые души? Они прячутся за чьи-то спины и боятся открыто высказать свое мнение.

Кондукторы пришли в замешательство.

– А теперь, братва, за дело. Все по местам.

Команда с новой энергией рассыпалась по судну и начала готовиться к действиям. Механики спустились в машинное отделение, артиллеристы принялись чистить орудия, а остальные – драить палубы. Медики приводили в готовность больничку и готовили наборы скорой помощи. Госпиталем должно было стать посыльное судно.

Еще до начала митинга мы послали в город двенадцать моряков для участия в похоронах. И теперь стали слышны голоса, возражавшие против открытия огня до их возвращения, – были опасения, что в противном случае они могут погибнуть. Тем не менее это толковое сообщение было отвергнуто в криках и гаме.

Прозвучал горн. Моряки, стоявшие рядом со мной, сорвались с места, и вся верхняя палуба внезапно опустела; моряки с удивительной ловкостью и быстротой спускались по трапам. Через три минуты воцарилась тишина, в стволы орудий главного калибра были посланы снаряды и рядом с ними в полной готовности застыли расчеты. Через мгновение металлический люк перекрыл проход к адмиральской кают-компании, и мне потребовалось какое-то время, дабы понять, где я нахожусь. Только что я видел трап, ведущий к адмиральским покоям, и вдруг он исчез. Вдруг мои ноги обдало холодной водой. Моряки растянули пожарные шланги и поливали деревянную палубу, чтобы она не занялась огнем во время обстрела. Я торопливо перебрался во внутренние отсеки судна, где меня тоже поразил безукоризненный порядок. Все стояли на своих местах по боевому расписанию, все были заняты делом.

Показав сигнальщику, где находится театр, я прошелся по командному мостику, откуда шло наблюдение за городом. Здесь я обнаружил Коваленко и матроса, которого назову З. Они и сообщили мне, что собираются открыть огонь из шестидюймовых орудий.

Затем мы услышали сигнал и гул первого холостого выстрела. Затем последовали второй и третий. Первый настоящий снаряд был выпущен четверть часа спустя.

В эти минуты сердце мое сжималось от страха и радости. Наконец мы приступили к делу. Кто может сказать, что нас ждет? А что, если наши снаряды поразят не театр, а дома мирных граждан и вместо счастья свободы мы принесем им горе и разрушение?.. Ужасные картины предстали перед моим мысленным взором... Но вскоре они исчезли, и их сменило зрелище народного восстания. За дымной пороховой пеленой, уносимой ветром, я, казалось, видел красные батальоны революционной армии, которые шли победным маршем от победы к победе, продвигаясь в самое сердце России. В грохоте первого выстрела я слышал торжествующие крики победившего народа.

Снова прозвучал горн, и воцарилась тишина. За яркой вспышкой последовал оглушительный грохот, после которого еще долго звучало эхо. Его отзвуки были прерваны хриплым криком сигнальщика, стоявшего рядом со мной: «Перелет!» И я представил себе зрелище женщин и детей, погребенных под развалинами.

Но снова мы услышали сигнал, и снова после грохота раздался такой же отчаянный крик сигнальщика: «Перелет!»

Наши снаряды не попали в цель: руки царских прислужников, подлых предателей, отвели их от врагов народа».

Молодой Фельдман был уверен, что сочетание забастовки в Одессе и восстания на борту «Потемкина» приведет к всеобщей революции в стране. Демонстрация Гапона в Петербурге

показала, что значат идеалы без поддержки силы; а вот теперь оба компонента были в достаточном количестве, и власти пришли в крайнее смятение. Но время революции еще не пришло, да и настоящий лидер еще не появился. Моряки «Потемкина» скоро впали в растерянность, не зная, что делать после обстрела Одессы и наконец пошли в Румынию, где и сдались полиции. Фельдман до конца оставался на «Потемкине». После периода заключения ему удалось бежать и добраться до Австрии.

Политический климат в России стремительно ухудшался с каждым годом. В конце августа Портсмутский договор ознаменовал заключение позорного мира с Японией. Он стал делом рук Витте, который занимал министерские посты при Александре III и Николае, но подал в отставку в знак протеста по вопросу о войне с Японией, относительно которой справедливо решил, что она станет бедствием для России.

Осенью общероссийская стачка железнодорожников привела к общей забастовке, которая парализовала всю страну. Витте использовал эту отчаянную ситуацию, чтобы представить царю меморандум, в котором предложил альтернативу – военную диктатуру или либеральную конституцию. Николай сначала помедлил, потому что решил, что предаст свой царский обет править страной, но потом согласился на введение конституции и издал Октябрьский манифест. Его письма к матери того времени показывали, с какой неохотой он это сделал.

«1 ноября

Ты, без сомнения, помнишь те январские дни, когда мы вместе были в Царском, – какие они были печальные, не так ли? Но в сравнении с тем, что происходит сейчас, они ровно ничего собой не представляли.

...В Москве проходят самые разные конференции... Бог знает что делается в университетах. Все виды отребья разгуливают по улицам, громко провозглашая восстание – похоже, никому нет до этого дела... Мне становится не по себе, когда я читаю новости! Но министры вместо того, чтобы действовать быстро и решительно, всего лишь собирают совещания и кудахчут, как перепуганные курицы, что надо организовать совместные министерские действия... Я испытываю те же ощущения, что перед давней летней грозой!.. Все эти ужасные дни я постоянно встречаюсь с Витте. Мы очень часто собираемся ранним утром, чтобы расстаться уже в вечерних сумерках... Есть только два пути: найти энергичного военного и грубой силой сокрушить мятежников... Это означает реки крови, и в конечном итоге мы окажемся там, с чего и начали. Другой путь – дать народу гражданские права, свободу слова и печати, кроме того, представлять все законы на утверждение в Государственную думу – что, конечно, означает конституцию. Витте очень энергично отстаивает ее... Почти каждый, с кем у меня была возможность посоветоваться, придерживается того же мнения. Витте совершенно ясно дал мне понять, что он примет пост председателя Совета министров только при условии, что его программа будет принята и в его действия не будут вмешиваться... Мы обсуждали это два дня, и в конце, призвав Господа на помощь, я подписал... В своей телеграмме я не мог объяснить все обстоятельства, которые заставили меня принять это ужасное решение, на которое, тем не менее, я пошел совершенно сознательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.